УДК 94(47).072
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00024

А. Г. Гуменюк

«Воспоминания крепостного» и их герой крестьянин Савва Пурлевский

В 1877 г. на страницах «Русского вестника» Николай Васильевич Щербань опубликовал яркое произведение, обличающее крепостной строй. Статья называлась «Воспоминания крепостного»[1], повествование в ней велось от лица ярославского крестьянина Саввы Пурлевского. Статья сразу привлекла внимание современников и еще более была востребована исследователями в следующем столетии. Историки предпочитали не замечать, что в их руках находится литературное произведение, подписанное журналистом Н. В. Щербанем, и полагали, что текст полностью написан «мыкавшим горе бедным» крепостным парнем.

Автор публикации Николай Васильевич Щербань долго жил в Европе, преимущественно во Франции. Напечатал в газете «Голос» серию заметок «Письма из Парижа», объемные статьи в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях». Некоторое время редактировал газету *Le Nord*[2], выходившую в Брюсселе. Н. В. Щербань обладал обширными знакомствами в среде русской эмиграции, по просьбе Тургенева делал корректуру романа «Отцы и дети» для публикации в «Русском вестнике».

В предисловии к первому изданию «Воспоминаний крепостного» Н. В. Щербань назвал свое произведение статьей. Возникло противоречие — в тексте о своей жизни рассказывает крепостной крестьянин Савва Дмитриевич Пурлевский, могут ли воспоминания называться статьей? Почему Щербань называет себя автором этого произведения? На эти вопросы Щербань дал следующее объяснение: «Предлагаемая статья не есть литературное произведение

в собственном смысле этого слова, то есть это не вымысел и не записанный рассказ. Это — подлинная автобиография крепостного из зажиточной, потом обедневшей семьи, автобиография крестьянина, мыкавшего горе бедным парнем <...> К сожалению, рукопись не могла быть напечатана в своем сыром виде. Во-первых, она состоит из очевидно необработанных черновых набросков, во-вторых, она изобилует повторениями и, подчас, вдается в не оправданное потребностями изложения многословие, естественное со стороны человека умного, бывалого, читавшего на своем веку, но едва грамотного. Нужно было очистить эту кору, чтобы получить простой и складный рассказ, какой, вероятно, сам автор нанес бы на бумагу, если б имел бóльшую привычку к письменности. Но, сокращая и устраняя лишнее, я ни одного почти слова не прибавил от себя и старался сохранить своеобразность речи везде, где она проявлялась»[3].

Можно заключить, что первоначальный текст «Воспоминаний» был существенно переработан Н. В. Щербанем. До начала XX в. его авторство не ставилось под сомнение. В Русском биографическом словаре А. А. Половцова «Воспоминания крепостного» приведены в списке статей Н. В. Щербаня[4]. Однако в XX в. исследователи назвали автором текста Савву Пурлевского, а Щербань стал упоминаться только как издатель. С. Д. Пурлевский занял почетное место в списке ярославских писателей как «крепостной писатель, современник Пушкина»[5].

Второй раз «Воспоминания крепостного» были опубликованы в 2006 г. в сборнике «Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в.» под ред. В. А. Кошелева. В этом издании автором текста был указан С. Д. Пурлевский[6].

В «Воспоминаниях крепостного» изложена история жизни ярославского крестьянина Саввы Пурлевского в первой половине XIX в. Автор описывает жизнь села Великого, историю смены его владельцев и их взаимоотношения с крестьянами, тепло вспоминает о своем детстве в родительском доме. Читатели могут познакомиться с подробностями быта состоятельной крестьянской семьи. Главы IV и V посвящены детским играм и обучению грамоте у местного дьячка. Родители героя, несмотря на свое крепостное положение, пользовались расположением окрестных помещиков. Владельцы имения привлекали крестьян к управлению вотчиной, в разные годы дед и отец Саввы Дмитриевича исполняли обязанности бурмистра села Великого. Семейная торговля шла успешно, в доме постоянно держали прислугу. Жизнь героя резко изменилась, когда преждевременно умер его отец. Торговля пришла в упадок, Савва был еще слишком мал, чтобы ее возглавить. Несколько лет он ходил пешком по окрестным деревням и торговал с лотка. Свадьба с дочерью богатого крестьянина, служившего приказчиком у владельца села, помощь тестя вернули героя в круг богатых торговцев.

Савва Пурлевский успешно выполнял поручения владельцев по продаже на Нижегородской ярмарке железа, произведенного на уральских заводах. По-

сле этого он был назначен бурмистром села. На этой должности он старался понять общественные нужды и исправить недостатки. Подробно рассказывается о его работе по созданию в селе училища для крестьянских детей и приглашению вольнопрактикующего врача для помощи заболевшим крестьянам. В 1830 г. торговля на Нижегородской ярмарке закончилась неудачно, С. Д. Пурлевский был несправедливо обвинен в недостаче. Текст «Воспоминаний крепостного» обрывается в тот момент, когда герой отправляется «к самому барину, генералу А.», для личных объяснений.

В главах XI, XIII, XIV, XVI «Воспоминаний крепостного» герой, жизнь которого складывалась успешно, неоднократно возвращается к размышлениям о тяжелой крестьянской доле и «горькой» крепостной зависимости. Такие «социально-психологические» отступления резко выделяют «Воспоминания крепостного» из общей массы отечественной мемуарной литературы XIX в. В послесловии Н. В. Щербань описал дальнейшую судьбу С. Д. Пурлевского: опасаясь жестокой расправы, герой теряет голову и решается бежать, имея с собой незначительную сумму денег. Он некоторое время скрывается у раскольников, живущих в Молдавии, в Яссах, потом перебирается в Одессу. В 1847 г. Пурлевский начинает работать комиссионером сахарных заводов Яхненко и Симиренко, а с 1852 г. живет в Москве и записывается в купечество.

Статья Н. В. Щербаня «Воспоминания крепостного» имела широкий резонанс, через два года после публикации текст цитирует Ф. М. Достоевский. В 1879 г., в том же «Русском вестнике», начинает печататься роман «Братья Карамазовы», в V главе Иван Карамазов пересказывает Алеше «картинку», которую он «только что прочел в одном из сборников наших древностей». Далее Достоевский воспроизводит фрагмент XII главы «Воспоминаний крепостного», о том, как помещик затравил собаками крепостного мальчика[7].

В 1940 г. авторы «Курса источниковедения истории СССР» в разделе о крестьянских мемуарах, подробно описывая «Записки Пурлевского», отмечали, что «автор не ограничивается сообщениями о своей коммерческой деятельности, а изображает отношение своего и соседних помещиков к крестьянам»[8]. В 1947 г. Л. Б. Генкин называет текст «Воспоминаний крепостного» ценным историческим источником и активно использует его в своей монографии «Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года»[9]. В 1967 г. в «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» под редакцией Б. Н. Пономарева приводятся цитаты из текста «Воспоминаний крепостного». Процесс формирования разночинской интеллигенции перед реформой 1861 г. иллюстрируется «воспоминаниями» Саввы Пурлевского, как он «целые ночи, бывало, просиживал за книгами», читая «не только повести Карамзина и пьесы Фонвизина, но и “настоящую литературу”, т. е. сочинения современных ему писателей»[10]. Эта же цитата приводится в «Истории СССР с древнейших времен до 1861 года» под редакцией Н. И. Павленко[11].

Текст «Воспоминаний крепостного» часто используется при изучении русского крестьянства в дореформенный период. Так, Е. Л. Сараева отмечает: «Воспоминания С. Д. Пурлевского интересны как источник по социальной психологии крепостных крестьян <...> Описание психологического состояния крепостного человека ставит мемуары в ряд редких источников, отразивших классовые представления крестьян»[12]. Д. В. Тимофеев ставит «воспоминания Пурлевского» в один ряд с воспоминаниями ведущих литераторов середины XIX в.: «Еще одна разновидность источников личного происхождения, авторы которых предполагали возможность последующей публикации своих записей, представлена воспоминаниями Г. Р. Державина, С. П. Жихарева, Ф. П. Лубяновского, С. Д. Пурлевского, Н. И. Тургенева, И. Д. Якушкина»[13]. Ссылки на «воспоминания С. Д. Пурлевского» используются в диссертациях С. А. Козлова, О. В. Смуровой, Е. В. Беляева, Н. И. Кобзаревой, М. В. Смахтиной, А. А. Платоновой, Т. В. Петровой[14], а также в монографиях Б. Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в.», Б. Ю. Тарасова «Россия крепостная. История народного рабства», Л. В. Беловинского «Жизнь русского обывателя. Изба и хоромы», Ф. Т. Селюкова «Происхождение действующего права» и др.[15]

В. А. Кошелев в предисловии ко второму изданию «Воспоминаний крепостного» пишет: «Никаких иных документальных данных о жизни и личности С. Д. Пурлевского не обнаружено»[16]. Это утверждение не соответствует действительности. Большой объем документов о жизни Великосельской вотчины наследников Сергея Саввовича Яковлева хранится в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА; ф. 51 «Товарищество Алапаевских горных заводов наследников С. С. Яковлева») и в Государственном архиве Ярославской области (далее — ГАЯО; ф. 230 «Ярославская духовная консистория», ф. 549 «Дирекция народных училищ Ярославской губернии», ф. 73 «Канцелярия Ярославского губернатора» и др.). Документы дают возможность сравнить текст «Воспоминаний крепостного» с биографией великосельского крестьянина Саввы Пурлевского и оценить степень достоверности приведенных там фактов.

В «Воспоминаниях крепостного» указаны даты многих событий в жизни Саввы Пурлевского — днем рождения названо 5 января 1800 г., приведены даты смерти отца и бабушки и день свадьбы Саввы. Попытка подтвердить эти даты выписками из метрических книг церкви Рождества Богородицы села Великого обречена на неудачу: в записях о родившихся за 1800 г. Савва Пурлевский не упоминается. Мальчик Савва четырех лет появляется в семье крестьянина Дмитрия Петрова в исповедных росписях за 1803 г.[17] Возраст указан на момент составления документа (на Пасху). Вероятные года рождения Саввы: 1798–1799. К сожалению, метрические книги за этот период не сохранились. 6 сентября 1810 г. в метрической книге зафиксирована смерть Дмитрия Петрова Пурлевского от горячки[18]. Если сравнить даты с текстом «Воспоминаний крепостного», события в жизни происходили на 1–2 года раньше.

В «Воспоминаниях крепостного» описана история помолвки и свадьбы Саввы Пурлевского в 1818 г. В метрических книгах запись о венчании «крестьянского Дмитрия Петрова Пурлевского сына отрока Саввы» «с крестьянской Петра Иванова Архиповского дочерью девкой Александрой» сделана 9 января 1816 г.[19] Исповедные росписи за 1816 г. указывают возраст Саввы Дмитриева — 18 лет, его жены Александры Петровой — 17 лет[20]. Эти записи позволяют считать 1798 г. — наиболее вероятным годом рождения Саввы Пурлевского.

Глава II «Воспоминаний крепостного» посвящена барину Сергею Саввовичу Яковлеву, который вступил во владение селом Великим и четырьмя уральскими железными заводами в 1787 г. По версии автора, Яковлев проводит жизнь в пирах и забавах, непрерывно проигрывая в карты огромные деньги. А количество дворовых превышает все разумные пределы: «В один год сорок человек взято было в музыканты, в лакеи, в гайдуки за каретой стоять, да после потребовалось двадцать девушек»[21].

В сохранившихся «книгах прихода и расхода денежных сумм» записаны все расходы Сергея Яковлева, и он выглядит совершенно другим человеком: «Поехал на бега, взял 15 копеек», «дочери Софии Сергеевне на конфеты 5 копеек»[22]. Следует понимать, что холостые пирушки Яковлева, даже если они имели место, закончились до рождения Саввы Пурлевского и текст мог быть основан только на сплетнях дворовых людей, среди которых действительно было много великосельских крестьян. Главы XII и XIII «Воспоминаний крепостного» посвящены описанию нравов помещиков-крепостников. Рассказы про бесчинства «соседнего барина Иван Иваныча» или «Льва Петровича» по содержанию больше напоминают публикации «Колокола» Герцена, а по стилю — брюссельский *Le Nord*, в котором вместо фамилий обычно стояли звездочки или криптонимы. Мы полагаем, что Н. В. Щербань от лица С. Д. Пурлевского публикует тексты, которые до этого в русских изданиях опубликовать было нельзя.

Изученные документы показывают, что С. Д. Пурлевский не мог быть свидетелем таких историй. В начале XIX в. село Великое принадлежит наследницам Сергея Саввовича Яковлева. Переписка Главного правления имением в Петербурге и Вотчинного правления в селе Великом носит деловой характер, в документах отсутствуют упоминания о телесных наказаниях. В Великосельском вотчинном правлении все должности занимают крепостные крестьяне, выбранные своими односельчанами. В 1829–1831 гг. исполнительную власть в селе возглавлял бурмистр — Савва Пурлевский. Аналогичная практика применялась в имениях Паниных в Нижегородской и Ярославской губерниях, у Шереметьевых во Владимирской губернии и, вероятно, во многих других крупных вотчинах первой половины XIX в.

Глава VI повествует о детстве Саввы Пурлевского в родительском доме, где работница готовит: «...в скоромный день холодное заливное (студень), вареный окорок, потом русские щи или лапша, жаркое баранина или курица, часто готовился гусь» и куда считают не зазорным заходить в гости окрестные помещики,

«и сам старик Степан Степанович (Карнович) часто посещали наш дом, угощаясь чаем и мягкими пирогами, которые матушка мастерица была печь». Стройный текст заканчивается неожиданным выводом: «...нет. В народе было тогда больше нужды. Простонародье северных губерний кормилось почти одним черным ржаным хлебом и серыми щами, калач почитался редким лакомством, пряник — богатым подарком...» Это явная редакторская вставка, Н. В. Щербань хочет повернуть сюжет в другом направлении.

После яркого описания С. Д. Пурлевским своего обучения грамоте у сельского дьячка (гл. V), Н. В. Щербаню приходится объяснять читателю, как человек, с трудом выучившийся чтению по Часослову, смог написать вполне законченное литературное произведение. И в гл. XIV появляется версия о любви героя к чтению: «После свадьбы я начал знакомиться с настоящею литературой <...> целые ночи, бывало, просиживал за книгами. <...> Разумные выводы талантливых писателей всегда побеждали односторонний мой крестьянский взгляд». Далее следует подробное описание влияния «настоящей литературы» на мировоззрение мемуариста. Н. В. Щербань не приводит имен авторов и названий книг. Свадьба Пурлевского состоялась в начале января 1816 г., для нас остается неясным, с какой «серьезной литературой» мог познакомиться ярославский крестьянин в это время? Чернышевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин еще не родились, Грибоедов и Пушкин делали первые пробы пера. Текст в большей степени отвечает взглядам редактора, относящимся к концу XIX в.

В главе XV «Воспоминаний крепостного» описан конфликт, свидетелем которого мог быть Савва Пурлевский — это крестьянский бунт, возникший в соседней вотчине, где «по указанию немца-управляющего составлялись пары и под надзором конторских служителей прямо отправлялись в церковь, где и венчались по нескольку вдруг». Речь идет о Плещеевском бунте. События происходили в селе Плещеево, которое находилось в двух верстах от Великого. Причиной конфликта был непосильный оброк и тяжелые условия работы на бумажной фабрике князя Николая Сергеевича Гагарина. В 1826 г. крестьяне отказались выходить на работу и отправили в Петербург ходоков с жалобой на управляющего Ивана Каппеля[23]. С. Д. Пурлевский, несомненно, знал все подробности и не имел причин скрывать место событий и имя владельца фабрики.

В главе XV можно проследить работу двух авторов над текстом: С. Д. Пурлевский описывает события, которые ему хорошо известны, дату ставит по памяти — 1828 г. (в другом месте — 1826 г.), а Н. В. Щербань, редактируя, удаляет из текста названия и имена. С. Д. Пурлевский беспристрастен: отказ крестьян от работы по меркам 1826 г. является бунтом, действия губернатора по наведению порядка вполне ожидаемы. Вот как описал эти события односельчанин Пурлевского: «1826 году усмирен бунт Гагаринских крестьян, старанием Ярославского гражданского губернатора Александра Михайловича Безобразова.

К усмирению которого нарочно прибыл в вотчину князей Гагариных в деревню Плотину и там открывал полное следствие»[24]. Такая редакция не устраивает Н. В. Щербаня, в тексте появляется история про «насильственные бракосочетания», которая совершенно не укладывается в дальнейшее повествование.

До середины 1820-х гг. крепостной крестьянин Савва Пурлевский только один раз упоминается в Протоколах Главного правления имением, когда в 1824 г. обращается с прошением в связи с покупкой им дворовых людей[25].

В главе XVII «Воспоминаний крепостного» описан конфликт Саввы Пурлевского со своим предшественником на должности бурмистра: «Жалобы односельцев на злоупотребления бурмистра частенько до меня доходили. Как я был ему сродни и жил с ним в ладу, то приятельски много раз говаривал ему, исправился бы он в своих обязанностях. Читал я мораль эту так, по дружбе; а он на дыбы, обиделся и давай придираться...»[26] В сохранившихся документах представленные события выглядят иначе: бурмистр Гаврила Моругин, отработав шесть лет, потерял интерес к своей службе. В Великосельском вотчинном правлении участились конфликты, взаимные жалобы стали доходить до владельцев. Весной 1828 г. конфликт выплеснулся наружу, четверо старшин бойкотировали свои обязанности и отправили жалобу на бурмистра в Петербург. Организатором этой «оппозиционной партии» оказался Савва Пурлевский. Попытки владельцев утихомирить спорщиков и вернуть их к выполнению своих обязанностей не имели успеха[27]. К концу 1828 г. Гаврила Николаевич Моругин уходит с должности бурмистра под предлогом болезни, общество крестьян избирает на эту должность Савву Пурлевского[28]. Владельцы выплачивали бурмистру жалование — 500 р. в год.

Глава XVIII полностью посвящена «затеям по бурмистерству» Саввы Дмитриевича. Он с энтузиазмом взялся за эту работу в 1829 г., и с еще большим энтузиазмом вспоминал ее спустя тридцать лет. В «Воспоминаниях крепостного» рассказывается, как он предлагает один за другим проекты улучшения жизни и «промышленности» односельчан. С. Д. Пурлевский приписывает себе создание школы и приглашение в село на постоянную работу врача, который позднее «устроил в небольшом виде домашнюю аптеку и выучил нескольких мальчиков фармацевтике и фельдшерскому искусству»[29]. Однако документы показывают иную версию событий: училище в селе Великом было официально открыто за год до вступления Пурлевского в должность бурмистра — 26 февраля 1828 г., при его предшественнике, бурмистре Гавриле Моругине[30]. Существуют указания на то, что школа перед этим долгое время работала, не имея официального статуса как «домашнее училище»[31]. В вопросах здравоохранения инициатива полностью принадлежала владельцам села, они незадолго до этого открыли больницу для рабочих своего завода в Алапаевске. До появления врача Иванова в село Великое часто приезжает уездный лекарь Дибик. А в училище специально обучают латыни двух мальчиков для дальнейшего обучения аптекарскому искусству в одной из ярославских аптек[32].

Савва Дмитриевич совмещал обязанности бурмистра с собственными торговыми делами. В 1830 г. он выиграл торги по подряду на поставку кирпича для строительства Мытного двора в Ростове. Подряд предусматривал производство в селе Великом и поставку в Ростов 1 500 000 шт. кирпича в течение двух лет. Главное правление дает ему доверенность «производить этот подряд своим лицом с нашим ручательством» при условии, что к работе на вновь построенном кирпичном заводе будут привлечены великосельские крестьяне[33].

Кульминацией «Воспоминаний крепостного» является рассказ о том, как крепостной крестьянин Савва Пурлевский начиная с 1828 г. три года подряд занимался «продажей господских заводов железа на Нижегородской ярмарке». Сохранившиеся инструкции и доверенности, выданные комиссионеру Савве Пурлевскому, в основном подтверждают картину, описанную в «Воспоминаниях крепостного», за исключением одной детали: в 1827–1829 гг. владельцы не продавали продукцию своих уральских заводов на Нижегородской ярмарке, а доставляли железо в Петербург для отгрузки за границу. Нижегородская ярмарка 1830 г. была для комиссионера С. Д. Пурлевского первой и последней. Сами владельцы на ярмарку не ездили, успех торговли полностью зависел от деловых качеств представителя. В общей сложности на ярмарке планировалось продать железа на 619 тыс. р. В Нижний Новгород с уральских заводов было заранее привезено более 169 тыс. пудов железа[34].

Нижегородская ярмарка 1830 г. подробно описана в документах. Во время ее работы С. Д. Пурлевский дважды отправляет в Петербург рапорты о ходе торговли и ценах[35]. В ответном письме владельцы замечают, что, по их сведениям, представители других заводов продают продукцию несколько дороже. Но в целом торговля шла успешно. В августе, по окончании ярмарки, Пурлевский отправил бо́льшую часть вырученных денег на уральские заводы. После этого он просит у владельцев распоряжений по поводу остатков непроданного железа, и планирует с отчетом и оставшимися деньгами приехать в Петербург лично[36]. 15 октября Главное правление в своем письме выражает недовольство тем, что отчет о торговле на ярмарке не предоставлен в течение двух месяцев, и бурмистр Пурлевский не сообщил о судьбе оставшегося железа[37]. В конце октября и в ноябре Пурлевский дважды посылает в Петербург рапорты с объяснением причин, мешающих его приезду.

В декабре 1830 г. Главное правление получило два документа. Первый — просьба директора Департамента горных и соляных дел о поощрении крестьянина Саввы Пурлевского за подготовку для департамента отчета по ценам на Нижегородской ярмарке, и второй — отчеты о якобы недостаче железа по итогам торговли на ярмарке[38]. Становится очевидным, что Савва Дмитриевич потратил время на посторонние дела и невнимательно отнесся к выполнению своего основного задания. Для разбирательства по делу о недостаче железа в село Великое был отправлен караванный служитель Алексей Лебедев.

Итоги разбирательства о недостаче железа остаются неясны, рапорта Лебедева по этому вопросу в документах нет. В конце января 1831 г. выясняется, что часть железа, оставшегося от торговли на Нижегородской ярмарке, Савва Пурлевский уже продал в Ярославле по заниженным ценам, и не сообщил об этом Главному правлению.

В «Воспоминаниях крепостного» С. Д. Пурлевский так описывает события: «К несчастью моему, открывшаяся в это время эпидемия холеры погубила дорогой двух караванных приказчиков, которые, приняв товар на сибирских заводах, были обязаны сдать его по моим продажным запискам покупателям, как то всегда водилось. При сдаче и оказался недочет в тысячу двести пудов, стоивших по тогдашней цене четыре тысячи пятьсот шестьдесят рублей ассигнациями. Дело приемки на заводах и сдачи покупателям нисколько меня не касалось. Однако правление обшей конторы от меня потребовало объяснения»[39]. Как мы могли заметить, эта версия не находит подтверждения в документах. На Нижегородской ярмарке продавался наличный товар за наличные деньги и никаких упоминаний о гибели караванных приказчиков в этот период не отмечается. Скорее, Пурлевский стал жертвой собственной самоуверенности, в главе XVII он замечал: «Не стесняясь мелочными ограничениями владельцев, я действовал свободно, сообразуясь с общим ходом дела на ярмарке»[40]. Сумма недостачи в 4560 р. была большой, но не катастрофической для Пурлевского, в 1831 г., кроме большого дома в селе Великом, ему принадлежали свечной и кирпичный заводы. Оценка имущества крепостного крестьянина Саввы Пурлевского составляла 7094 р. 68 к., оборотный капитал исчислялся десятками тысяч рублей[41].

До конца 1831 г. Савва Дмитриевич оставался бурмистром в селе и регулярно получал жалование, но работа шла плохо, оброк собирался несвоевременно, рапорты в Петербург отправлялись с большими задержками. На Нижегородскую ярмарку 1831 г. комиссионером был назначен Иван Лоханин.

Воспоминания прерываются на XIX главе, Н. В. Щербань в послесловии пишет: «К сожалению, именно на этих строках подлинная рукопись обрывается: смерть, постигшая автобиографа в 1868 году, не дозволила ему дописать повесть о своей жизни. Дальнейшая судьба нашего героя известна по устным рассказам его, переданным мне близко знавшими его людьми: излагаю ее вкратце, сожалея об отсутствии подробностей, которые, вероятно, были бы в высшей степени интересны. Попавший по чужой вине и по вражьим проискам в немилость крепостной бурмистр Савва Дмитриевич Пурлевский, вошел в кабинет своего барина ни жив ни мертв. Сцена произошла грозная, заключилась строгим приказом: “Сейчас отправляться назад в деревню, там ждать распоряжения”. Страшное слово “ждать распоряжения” ошеломило Пурлевского. Ему почудилась та расправа, которой он не раз был свидетелем, телесное наказание, может быть красная шапка, может быть Сибирь. Он, обыкновенно рассудительный, на этот раз потерял голову и тут же решился

бежать»[42]. Далее Н. В. Щербань описывает путешествие беглеца на юг с тридцатью рублями в кармане.

Документы не позволяют нам точно описать события, которые происходили непосредственно перед побегом Саввы Пурлевского и в самый его день. Протоколы Главного правления за последние 4 месяца 1831 г. не сохранились в архивном фонде. Поэтому интрига в биографии Саввы Дмитриевича остается. Из документов за январь 1832 г. можно сделать вывод, что отчет о торговле на Нижегородской ярмарке был представлен с большим опозданием, при проверке в конторских книгах были обнаружены подчистки и исправления. Главное правление решило, что «крестьянин Савва Пурлевский за употребление во зло нашей доверенности по продаже в 1830 г. заводских изделий, допущение при отпуске железа безпорядка и испорчение умышленно служительских отвесных тетрадей к сокрытию отпуска безденежно или тайной продажи железа, за разныя по должности бурмистра упущения, и за употребление принадлежащих наследницам и вотчине сумм на собственные обороты» должен быть назначен к отдаче в рекруты. Главное правление планировало объявить это решение при приезде С. Д. Пурлевского в Петербург. Савва Дмитриевич приехал в Петербург, но о решении Главного правления ему стало известно заранее и 27 декабря 1831 г. он самовольно покинул хозяйский дом[43].

В побеге был обвинен помощник бурмистра — Сергей Герасимов, он знал о возможном наказании и, вероятно, сообщил об этом Савве Дмитриевичу. Документы показывают, что побег Саввы Пурлевского был хорошо подготовлен. Накануне к нему в Петербург приезжала теща Матрена Ивановна Архиповская, которой Савва Дмитриевич поручил текущие дела. Поиски беглеца и заявления в полицию не дали результатов. При этом сам беглец чувствовал себя уверенно: он регулярно отправлял письма в Великое, рассказывая о своих перемещениях, но не сообщая о дальнейших планах. В декабре 1831 г. он писал из Боровичей, в марте 1832 г. — из Москвы. Перед побегом Савва Дмитриевич составил подробный отчет о текущих делах по должности бурмистра.

В июне 1832 г. в очередном письме Савва Пурлевский сообщил о своем скором отъезде из Киева. К этому времени стало известно, что беглец путешествует с паспортом на имя Александра Дмитриева Курочкина, а накануне побега получил 10 тыс. руб. по контракту от архангельского купца Брандта[44].

В послесловии к «Воспоминаниям» Н. В. Щербань так описывает дальнейшую судьбу Саввы Дмитриевича: беглец на последние деньги добирается до Киева, а в Кишинев странствует уже пешком. Через Прут «предприимчивый горемыка» переправляется вплавь. Добравшись к раскольникам, живущим в Молдавии, в Яссах, Савва Пурлевский некоторое время скрывается у них, потом перебирается на Дунай к некрасовцам и живет там два года. В 1834 г. он узнаёт, «что по представлению графа Воронцова всемилостивейше разрешено беглым, не учинившим уголовных преступлений, свободно явиться и приписаться в Новороссийском краю, где пожелают. Пурлевский, собрав все нако-

пленные гроши, тотчас в Одессу, в мещане. Определился половым в трактир, понравился хозяину и сделался приказчиком. В трактир ходил один магистратский секретарь. Он очень полюбил Савву Дмитриевича, и это знакомство немного спустя очень пригодилось...»

Версия Н. В. Щербаня изобилует нестыковками: как было отмечено выше, Савва Дмитриевич располагал значительным капиталом и документами на чужое имя, пересекать границу вплавь не было необходимости.

Сведения о дальнейшей судьбе Саввы Дмитриевича можно получить из дела «О выдаче зачетной рекрутской квитанции наследницам Яковлева на выходца из-за границы Савву Пурлевского»[45]. Жизнь под чужим именем не могла продолжаться долго, и летом 1835 г. Савва Пурлевский явился в «Измаильский карантин», где назвал себя «выходцем из Турецкого владения» и получил паспорт. Не желая возвращаться в село Великое, С. Д. Пурлевский в начале 1836 г. подал прошение в Одесский городовой магистрат о причислении в мещанское сословие. В качестве основания для причисления в мещанство был назван Высочайший манифест, разрешающий беглым, вышедшим из-за границы и не совершившим «законопротивных поступков», избирать род жизни. Херсонское губернское правление обратилось за справкой по этому вопросу к Ярославскому губернскому правлению и в Главное правление имением наследниц Яковлева. Последнее выразило сильное недоумение: «...не видно, когда и по какому всемилостивейшему манифесту вышел Пурлевский из заграницы и имел ли при явке в Измаил какой вид, дабы <...> иметь право просить о записке в число граждан города Одессы, почему и почитаем мы его не выходцем, а бродягою, следующим <...> к пересылке на прежнее жительство»[46].

Вероятно, здесь пригодились знакомства Саввы Дмитриевича — он избежал высылки в село Великое. Урегулирование вопросов с владельцами заняло еще 10 лет. К одесскому мещанству Савве Пурлевскому удалось приписаться только в 1845 г. В июле 1846 г. Великосельское вотчинное правление получило на имя Пурлевского зачетную рекрутскую квитанцию[47].

Следует отметить, что в начале 1836 г. на допросе в Одесской городской думе Савва Пурлевский называет свой истинный возраст — 37 лет. Но при выдаче зачетной рекрутской квитанции появляется справка, в которой указано, что «беглец Пурлевский писан по сказке 7-й ревизии, поданной 14 марта 1816 г., 16-ти лет, следовательно, по сему показанию при выходе из заграницы в июле месяце 1835 года имел от роду 35 лет и 4 месяца». Эта справка, вероятно, послужила причиной появления разночтений в датах биографии С. Д. Пурлевского[48].

В 1859 г. мы находим С. Д. Пурлевского в Москве, в списке подписчиков на журнал «Вестник промышленности»[49]. В конце того же года Платон Симиренко упоминает Савву Пурлевского в своем письме к Тарасу Шевченко. Симиренко сообщает о том, что 1100 р., необходимые для издания «Кобзаря», Тарас Григорьевич получит от Саввы Дмитриевича Пурлевского[50].

В 1866 г. в «Торговом сборнике» были опубликованы «Заметки на некоторые передовые статьи “Биржевых ведомостей”» за подписью С. Пурлевского[51]. Этот текст в настоящее время доступен на сайте Национальной электронной библиотеки. Автор «Заметок» проводит глубокий анализ влияния таможенных тарифов на развитие сахарной, льнопрядильной и металлургической промышленности России, анализируя статистику за предыдущие сто лет. Трудно поверить, что тексты «Воспоминаний крепостного» и «Заметок на некоторые передовые статьи “Биржевых ведомостей”» написаны одним человеком. В «Воспоминаниях крепостного» Савва Пурлевский представлен читателям как «человек умный, бывалый, читавший на своем веку, но едва грамотный», в «Заметках» мы видим серьезного аналитика, глубоко вникающего в проблемы отечественной промышленности.

Сравнив текст «Воспоминаний крепостного» с документами о жизни крестьянина Саввы Дмитриевича Пурлевского, мы видим, что значительная часть текста основана на реальных событиях, которые действительно происходили с Саввой Пурлевским. Однако факты и хронология событий приведены в существенно искаженном виде. Обнаруженные несоответствия можно разбить на три группы:

1. Значительная часть ошибок произошла по причине отсутствия у автора достоверных источников информации. С. Д. Пурлевский в целом верно описал историю села Великого и перечислил его владельцев в XVIII в., но источником этой информации могли быть только изустные предания, которые зачастую носили характер сплетен. Датируя события в своей семье, автор использует выписку из ревизской сказки 1816 г., в которой неверно указан его возраст, это приводит к ошибочной датировке всех метрических событий.

2. Как и любой мемуарист, С. Д. Пурлевский весьма субъективен. Желая показать себя с лучшей стороны, он часто выходит за рамки приукрашивания. В истории с открытием школы в селе Великом автор приписывает себе то, что было сделано его предшественником. Описание «комиссионерства» на Нижегородской ярмарке и последующего побега Пурлевского в значительной степени противоречит документам. Возможно, Савва Дмитриевич так и не понял, что неудачная торговля на Нижегородской ярмарке, резко изменившая его жизнь, была следствием его самоуверенности и неопытности в такой работе.

Перечисленные выше несоответствия часто встречаются в мемуарной литературе. В случае с «Воспоминаниями крепостного» следует обратить внимание на работу над текстом второго автора — Николая Васильевича Щербаня.

3. Познакомившись с биографией Саввы Пурлевского, мы видим, что в руки Н. В. Щербаня попали воспоминания состоятельного купца, который обладал ясным умом и имел большой опыт изложения своих мыслей на бумаге. И. С. Тургенев назвал такую категорию людей «буржуазией в дубленом тулупе». Эти люди преобразовывали жизнь своим трудом и совершенно не соответствовали народническим идеалам русской интеллигенции конца XIX в.

Щербань подвергает текст существенной редакторской правке, и появляется герой, о котором мечтал Герцен, — «едва грамотный», «мыкающий горе бедный парень», который много читает «настоящей литературы» и часто задумывается «о своей горькой крепостной доле». Щербань привносит в текст классовый конфликт между помещиком и крепостными крестьянами, он не знает, что после 1818 г. в селе Великом не существовало помещика — имением владели семь дочерей Сергея Яковлева, а их мужья именовались «уполномоченными». Интересно отметить, что слова «помещик» и «крепостной» упоминаются в тексте «Воспоминаний крепостного» 23 и 29 раз соответственно, и практически не встречаются в переписке Главного правления имением. Жители села Великого в документах назывались «крестьянами».

---

1 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного // Русский вестник. 1877. № 7. С. 320–347; № 9. С. 34–67.

2 *Le Nord* — полуофициальный дипломатический орган русского правительства, основан в 1855 г. Н. П. Поггенполем, в 1859 г. в нем был создан особый отдел по вопросам освобождения крестьян в России. С 1863 г. издание перенесено в Париж. См.: *Ронин В. К.* Русская публицистика в Бельгии в середине XIX века // Славяноведение. 1993. № 4. С. 4–13.

3 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 320, 321.

4 Русский биографический словарь / Изд. А.А. Половцова. Т. 24. СПб., 1912. С. 87–88.

5 Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина 1830–1840 гг. / Вступ. ст., коммент. Т. Г. Снытко. Ярославль, 1961. С. 19; *Астафьев А. В., Астафьева Н. А.* Писатели Ярославского края (до 1917 г.). Ярославль, 1974. С. 108.

6 Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. / Вступ. ст. и сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

7 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14. С. 221.

8 Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т. 2. С. 139.

9 *Генкин Л. Б.* Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года. Ярославль, 1947. С. 20.

10 История СССР с древнейших времен до наших дней. / Ред. Б. Н. Пономарев и др. М., 1967. Т. IV. С. 588, 598.

11 История СССР с древнейших времен до 1861 года / Ред. Н. И. Павленко. М., 1989. С. 563; 2-е изд.: М., 2009. С. 713.

12 *Сараева Е. Л.* Крестьянское движение в губерниях Верхневолжья в конце XVIII — первой четверти XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1984. С. 41, 107.

13 *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в общественном сознании и коммуникативной практике образованного российского подданного первой четверти XIX в.: опыт изучения основных социально-политических понятий: Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2012. С. 86, 430.

14 *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России: Центрально-Нечерноземные губернии, 1765–1861 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 513, 519, 535; *Смурова О. В.* Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на эволюцию образа жизни города и деревни в 1861–1914 гг.: На материалах Санкт-Петербурга, Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний: Дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 2005. С. 87; *Беляев Е. В.* Учреждение и деятельность крестьянского самоуправления в 1861–1889 гг.:

по материалам Рязанской и Тамбовской губерний: Дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2009. С. 52; *Кобзарева Н. И.* Эволюция мира старости в крестьянской среде в 50-х гг. XIX в. — 1917 г.: по материалам губерний Центрального Черноземья: Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2014. С. 51, 55, 56; *Смахтина М. В.* Русское поместное дворянство в XIX в.: эволюция этических норм, представлений и практики в социальной и экономической сферах: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 212, 219, 239; *Платонова А. А.* Московское мещанство в первой половине XIX в.: брачный круг и брачный выбор: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 87; *Петрова Т. В.* Особенности языка и стиля мемуарной литературы XIX в. представителей недворянских сословий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 9.

15 *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. М., 2012. С. 358, 444, 446; *Тарасов Б. Ю.* Россия крепостная. История народного рабства. М., 2011. С. 34, 132; *Беловинский Л. В.* Жизнь русского обывателя. Изба и хоромы. М., 2012. С. 289; *Селюков Ф. Т.* Происхождение действующего права. М., 1997. С. 159.

16 Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в.

17 ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 1328. Л. 41.

18 Там же. Д. 4219. Л. 182.

19 Там же. Д. 6220. Л. 15.

20 Там же. Д. 6064. Л. 72.

21 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 329.

22 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1117 (книга прихода и расхода денежных сумм по дому С. С. Яковлева за 1798–1799 гг.).

23 *Трефолев Л. Н.* Плещеевский бунт (Эпизод из крестьянских волнений) // Древняя и Новая Россия. 1877. Т. III. № 10.

24 ЯМЗ. 14924-2 (исторические древности Великого села).

25 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 50. Л. 324.

26 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 59.

27 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 63. Л. 26.

28 Там же. Д. 64. Л. 282.

29 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 62.

30 ГАЯО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 341.

31 ЯМЗ. 14924-2.

32 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 67. Л. 30.

33 Там же. Д. 69. Л. 453.

34 Там же. Л. 130, 138.

35 Там же. Л. 356.

36 Там же. Д. 70. Л. 27.

37 Там же. Л. 155.

38 Там же. Л. 377, 408.

39 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 63.

40 Там же. С. 60.

41 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 82. Л. 180.

42 *Щербань Н. В.* Воспоминания крепостного. С. 65.

43 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 74. Л. 1, 7.

44 Там же. Л. 15, 253; Д. 75. Л. 107.

45 ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 890.

46 РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 83. Л. 234.

47 ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 890. Л. 2.

48 Там же. Л. 2 об.

49 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 332. Карт. 86. Ед. хр. 1 (книга подписчиков на «Вестник промышленности» в 1858–1861 гг.).

50 *Венгловский С. А.* Тарас Шевченко: парадоксы судьбы. СПб., 2014. С. 420.

51 *Пурлевский С.* Заметки на некоторые передовые статьи «Биржевых ведомостей» // Торговый сборник. 1866. № 44, 49, 50.

References

ASTAF'EV A. V., ASTAF'EVA N. A. Pisateli Yaroslavskogo kraya (do 1917 g.) [Writers of the Yaroslavl region (before 1917). In Russ.]. Yaroslavl', 1974.

BELOVINSKIJ L. V. *Zhizn' russkogo obyvatelya. Izba i horomy* [The life of the Russian inhabitant. Hut and mansion. In Russ.]. Moscow, 2012.

DOSTOEVSKIJ F. M. Poln. sobr. soch. [Complete Works. In Russ.]. Leningrad, 1976. T. 14.

GENKIN L. B. *Pomeshchich'i krest'yane Yaroslavskoj i Kostromskoj gubernij pered reformoj i vo vremya reformy 1861 goda* [Landlord peasants of the Yaroslavl and Kostroma provinces before the reform and during the reform of 1861. In Russ.]. Yaroslavl', 1947.

Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnej [History of the USSR from ancient times to the present day. In Russ.] / Red. B. N. Ponomarev i dr. Moscow, 1967. T. IV.

Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do 1861 goda [History of the USSR from ancient times to 1861. In Russ.] / Red. N. I. Pavlenko. Moscow, 1989.

Kurs istochnikovedeniya istorii SSSR [The course of source study of the history of the USSR. In Russ.]. Moscow, 1940. T. 2.

MIRONOV B. N. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII — nachalo XX v.* [The welfare of the population and the revolution in imperial Russia: 18th — the beginning of the 20th century. In Russ.]. Moscow, 2012.

PURLEVSKIJ S. Zametki na nekotorye peredovye stat'i Birzhevyh vedomostej [Notes on some editorials Stock Exchange News. In Russ.] // Torgovyj sbornik. 1866. N 44, 49, 50.

Russkij biograficheskij slovar' [Russian biographical dictionary. In Russ.] / Izd. A. A. Polovcova. T. 24. St Petersburg, 1912.

SELYUKOV F. T. *Proiskhozhdenie dejstvuyushchego prava* [Origin of current law. In Russ.]. Moscow, 1997.

SHCHERBAN' N. V. Vospominaniya krepostnogo [Memories of a serf. In Russ.] // *Russkij vestnik*. 1877. N 7, 9.

TARASOV B. Yu. *Rossiya krepostnaya. Istoriya narodnogo rabstva* [Serf Russia. The history of national slavery. In Russ.]. Moscow, 2011.

TREFOLEV L. N. Pleshcheevskij bunt *(Ehpizod iz krest'yanskih volnenij)* [Plescheevsky riot (Episode of peasant unrest). In Russ.] // *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 1877. T. III. N 10.

VENGLOVSKIJ S. A. *Taras Shevchenko: paradoksy sud'by* [Taras Shevchenko: Paradoxes of Fate. In Russ.]. St Petersburg, 2014.

Vesti o Rossii. Povest' v stihah krepostnogo krest'yanina 1830–1840 gg. [News of Russia. The story in verses serf peasant 1830–1840. In Russ.] / Vstup. stat'ya, komment. T. G. Snytko. Yaroslavl', 1961.

Vospominaniya russkih krest'yan XVIII — pervoj poloviny XIX v. [Memoirs of Russian peasants of the 18th — first half of the 19th century. In Russ.] / Vstup. st. i sost. V. A. Kosheleva. Moscow, 2006.

Список литературы

Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края (до 1917 г.). Ярославль, 1974.

Беловинский Л. В. Жизнь русского обывателя. Изба и хоромы. М., 2012.

Венгловский С. А. Тарас Шевченко: парадоксы судьбы. СПб., 2014.

Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина 1830–1840 гг. / Вступ. ст., коммент. Т. Г. Снытко. Ярославль, 1961.

Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. / Вступ. ст. и сост. В. А. Кошелева. М., 2006.

Генкин Л. Б. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года. Ярославль, 1947.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 14. Л. 1976.

История СССР с древнейших времен до наших дней / Ред. Б. Н. Пономарев и др. М., 1967. Т. IV.

История СССР с древнейших времен до 1861 года / Ред. Н. И. Павленко. М., 1989; 2-е изд. — М., 2009.

Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т. 2.

Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. М., 2012.

Пурлевский С. Заметки на некоторые передовые статьи Биржевых ведомостей // Торговый сборник. 1866. № 44, 49, 50.

Русский биографический словарь / Изд. А. А. Половцова. Т. 24. СПб., 1912.
Селюков Ф. Т. Происхождение действующего права. М., 1997.
Тарасов Б. Ю. Россия крепостная. История народного рабства. М., 2011.
Трефолев Л. Н. Плещеевский бунт (Эпизод из крестьянских волнений) // Древняя и новая Россия. 1877. Т. III. № 10.
Щербань Н. В. Воспоминания крепостного // Русский вестник. 1877. № 7, 9.

А. Г. Гуменюк. «Воспоминания крепостного» и их герой крестьянин Савва Пурлевский

В статье проводится анализ достоверности фактов, относящихся к жизни ярославского крестьянина Саввы Пурлевского, который был прототипом героя произведения Н. В. Щербаня «Воспоминания крепостного». Раскрыта необоснованность того, что в XX в. единственным автором текста «Воспоминаний крепостного» был назван их герой — крестьянин Савва Пурлевский. На основании анализа документов фонда наследников С. С. Яковлева (РГИА. Ф. 51 «Товарищество Алапаевских горных заводов наследников С. С. Яковлева»; ГАЯО. Ф. 230 «Ярославская духовная консистория»; Ф. 73 «Канцелярия Ярославского губернатора»; Ф. 549 «Дирекция народных училищ Ярославской губернии» и др.) автор показывает, что в «Воспоминаниях крепостного» биография С. Д. Пурлевского подверглась значительным искажениям. Текст «Воспоминаний крепостного» содержит не только ошибки и преувеличения, внесенные Саввой Пурлевским в первоначальный вариант своих записок, но и существенные дополнения, сделанные Н. В. Щербанем, который хотел приблизить героя «Воспоминаний крепостного» к идеалам народничества. Явные признаки работы двух разных авторов над текстом делают неправомерным отнесение «Воспоминаний крепостного» к мемуарной литературе и ставят под сомнение оправданность использования этого литературного произведения в качестве исторического источника, что неоднократно имело место в XX в.

***Ключевые слова*:** Пурлевский Савва Дмитриевич, крепостные крестьяне, «Воспоминания крепостного», Щербань Николай Васильевич, село Великое, мемуары, достоверность исторических источников.

A. G. Gumenyuk. "Serf's memoirs" and their hero peasant Savva Purlevskiy

In this article the analyzing of facts authenticity related to the life of Yaroslavl peasant Savva Purlevskiy, which was a prototype of hero in composition "Serf's memoirs" written by N. V. Shcherban is made. Unfounded inferences that the sole author in 20th century of version "Serf's memoirs" was there hero — peasant Savva Purlevskiy is discovered. Based on document analysis of the S. S. Yakovlev's heirs' fond (RGHA. F. 51 "Association of Alapaevsk mining plants of the heirs of S. S. Yakovlev"; GAYaR. F. 230 "Yaroslavl theological consistory"; F. 73 "Secretariat of Yaroslavl governor"; F. 549 "Department of public schools of Yaroslavl province", and others) the author shows, that biography of S. D. Purlevskiy was misrepresented significantly in "Serf's memoirs". The text of "Serf's memoirs" contains mistakes and overstatement, inserted by Savva Purlevskiy into the first variant of his notes, but it also has essential additional made by N. V. Shcherban, who wanted to make the hero of "Serf's memoirs" closer to ideals of Russian populists of the 19th century. The obvious signs of the work of two different authors on the text make it unjustifiable that the "Serf's memoirs" be attributed to memoirs, and cast doubt on the justification for using this literary work as a historical source, which has repeatedly occurred in the 20th century.

***Key words*:** Purlevskiy Savva Dmitrievich, peasants serfs, "Serf's memoirs", Shcherban Nicolay Vasilievich, country Velikoe, memoirs, authenticity of historical sources.

Гуменюк, Алексей Геннадьевич — исследователь, Ярославское историко-родословное общество.
Gumenyuk, Alexey Gennadievigh — Researcher, Yaroslavl Historical and Genealogical Society.
E-mail: al.gumenyuk@mail.ru